

村上春樹

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Какие они, прозаики?

О писательской среде
и не только

Разговор о прозе, едва начавшись, может увести нас далеко в сторону, слишком уж широка сама тема, поэтому сначала давайте поговорим о тех, кто пишет прозу, — о писателях-прозаиках. Мне кажется, так беседа получится более конкретной, наглядной и, может быть, даже конструктивной. Если говорить откровенно, то в моих глазах многие прозаики — впрочем, разумеется, не все — это люди с далеко не идеальным характером, да и беспристрастными их тоже не назовешь. Кроме того, по моим наблюдениям (хотя, чья бы корова мычала) — среди них не так уж редки люди с необычными привычками и не самыми похвальными наклонностями. Да и весь образ жизни прозаиков зачастую довольно странный.

Даже если они сами об этом и не говорят вслух, почти все писатели (по моим прикидкам примерно девяносто два процента, и я в том числе) придержива-

Харуки Мураками. ПИСАТЕЛЬ КАК ПРОФЕССИЯ

ются мнения, что все, что они делают и пишут — за редким исключением, — правильно. А все, что делают и пишут почти все остальные писатели, — неправильно. И это твердое убеждение не покидает их всю жизнь. Думаю, что найдется, мягко говоря, немного людей, хотевших бы приятельствовать или жить рядом с такими типами.

Иногда доводится слышать рассказы о писателях, связанных крепкой многолетней дружбой. Но лично я, услышав подобное, сразу настораживаюсь. Не скажу, что сердечная дружба между теми, кто пишет прозу, невозможна, но весьма сомнительно, что она окажется долговечной. Писатели в принципе натуры крайне эгоцентричные, и среди них очень много людей амбициозных, с гипертрофированным самомнением. И если два писателя вдруг окажутся в непосредственной близости друг от друга, то дружба у них с большей вероятностью не заладится, чем наоборот. В этом я убеждался не раз на собственном опыте.

Один из показательных примеров — официальный прием в Париже в 1922 году, во время которого за одним столом оказались Марсель Пруст и Джеймс Джойс. Они сидели рядом, но при этом за весь вечер так и не сказали друг другу практически ни слова. Окружающие, затаив дыхание, следили за двумя величайшими писателями не только своего времени, но и двадцатого века в целом: о чем они будут говорить? А эпохальная встреча обернулась пшиком, ничем. Наверное, оба они были слишком высокого мнения о себе. Такие случаи не редкость.

Вместе с тем, когда речь заходит о профессиональной замкнутости — или, попросту говоря, о стремлении не пускать чужих в свой огород — то я, пожалуй, не знаю ни одной другой

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. КАКИЕ ОНИ, ПРОЗАИКИ?

профессиональной группы, которая была бы столь же терпимой и толерантной к новичкам, как прозаики. И я думаю, что эта характерная особенность — одна из, скажем так, немногочисленных прекрасных черт представителей нашей профессии.

На всякий случай поясню, что я имею в виду.

Предположим, что некий прозаик очень талантливо поет, и вот он дебютирует в качестве певца. Или, к примеру, у него обнаруживаются способности к живописи, и он начинает выставлять свои работы. Могу с полной уверенностью сказать, что этот бедолага не только сразу же столкнется с ощутимым сопротивлением среды, но и моментально станет объектом насмешек. На каждом углу начнут судить-рядить, что мол поддался человек искушению, не удержался и сам себя поставил в глупое положение. Или еще скажут, что он бесталанный дилетант и техники у него — ноль. А со стороны профессиональных певцов и художников он может рассчитывать в лучшем случае на ледяное безразличие. В худшем же, вероятно, ему будут чинить препоны. В общем, радостных возгласов «Давай к нам! Как мы рады!» наш прозаик скорее всего не дождется, если только речь не идет о каких-то очень специфичных видах и стилях вокального искусства или живописи.

В течение тридцати пяти лет я довольно успешно занимался переводами американской литературы параллельно с писательской деятельностью. Однако на заре моей переводческой карьеры (да и сейчас, наверное, тоже) критики были ко мне отнюдь не благосклонны. «Перевод — не забава для дилетантов», «писательские переводы — это прихоть, и весьма неуместная» — то и дело я слышал в свой адрес подобные высказывания.

Харуки Мураками. ПИСАТЕЛЬ КАК ПРОФЕССИЯ

Или, скажем, в процессе работы над «Подземкой» я был безжалостно раскритикован писателями-документалистами: «в книге не соблюdenы элементарные законы жанра», «дешевая слезовыжималка», «бесхитростный дилетантизм». Изначально я не ставил себе задачей написать книгу в жанре нон-фикшн — просто писал «не фикшн», то есть прозу нехудожественную. Писал, как пишется, но в результате немножечко отдавил хвости тиграм-стражам, охраняющим священные границы «нон-фикшн». Я-то о существовании этих границ ничего не знал, и о том, что внутри них заведены какие-то четко установленные правила, тоже не догадывался. Так что поначалу, конечно, конфузился.

Итак, независимо от рода ваших занятий, если вы надумали попробовать себя в другой области, будьте готовы к тому, что «профи» скорее всего встретят вас не очень дружелюбно. Подобно лейкоцитам, главная функция которых — защита организма от инородных тел, они будут стараться перекрыть вам доступ внутрь. Если вы не отступите, если будете настойчивы, то постепенно отпор будет слабеть, и в конце концов вас как нечто неизбежное молча примут в свой круг. Но перед этим здорово потреплют вам нервы. Чем уже область, чем специфичнее профессиональные знания и умения, и чем авторитетней специалисты, тем сильнее будет проявляться клановость и профессиональная гордость, а следовательно, сопротивление среды тоже будет сильнее.

Что происходит, если
певец или художник,
переводчик или автор-
документалист
задумали написать
роман?

Теперь рассмотрим обратную ситуацию: что происходит, если певец или художник, переводчик или автор-документалист задумали написать роман? Как отреагирует наш прозаик и его коллеги? Воспримут ли они это в штыки? Думаю, вряд ли. В мире есть немало примеров очень успешных, высоко оцененных критиками романов, написанных певцами и художниками, переводчиками и документалистами. Но пока не случалось, чтобы маститые романисты негодовали во всеуслышание: «Ох уж эти дилетанты, творят, что хотят!» Кстати, о том, чтобы кто-то из прозаиков чихвостил начинающих авторов, насмехался над ними, строил козни, засовывал палки в колеса, мне (хотя, возможно, я что-то пропустил) тоже пока слышать не доводилось. Даже наоборот, прозаики, как правило, демонстрируют по отношению к «людям со стороны» искреннее любопытство; если есть воз-

Харуки Мураками. ПИСАТЕЛЬ КАК ПРОФЕССИЯ

можность, они готовы встречаться и обсуждать рукописи, а также нередко подбадривают новичков и поддерживают в них боевой дух.

Разумеется, прозаики могут сказать за спиной какую-нибудь гадость о литературном произведении певца или художника, но они постоянно делают то же самое и по отношению друг к другу. Это, вообще-то говоря, норма поведения в писательском цехе, а вовсе не проявление профессиональной клановости. У тех, кого я называю прозаиками, много явных недостатков, но что касается чужаков в огороде — тут они проявляют чудеса терпимости и толерантности.

Интересно почему?

С этим для меня все очевидно. Крупная проза — это ведь такая штука («штука» звучит немного грубо, согласен), которую может написать практически кто угодно. Главное — захотеть. К примеру, чтобы стать пианистом или балериной, нужно с раннего детства много и тяжело работать. Художникам тоже необходимы специфические профессиональные знания и техническое мастерство, не говоря уже о наличии полного комплекта художественных материалов. Или, скажем, альпинист — он должен обладать исключительной выносливостью, виртуозной техничностью и бесстрашием.

А чтобы писать романы, кроме умения выводить буквы и иероглифы (к примеру, подавляющее большинство японцев это умеют), нужны только ручка и блокнот. Такого технического минимума вполне достаточно. Дальше дело только за творческими способностями — если у вас есть писательский талант, то никакие особые занятия не понадобятся. Просто садитесь и пишите. Пишите, не останавливаясь, и у вас получится про-

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. КАКИЕ ОНИ, ПРОЗАИКИ?

зническое произведение крупной формы. Нет никакой необходимости учиться в литературном институте или на кафедре сравнительного литературоведения, потому что никаких таких особых профессиональных знаний, без которых нельзя было бы написать роман, не существует.

Даже скромно одаренный человек может с первого раза написать хорошее произведение. В этом нет ничего невозможного. Хоть я немного и стесняюсь, могу в качестве наглядного примера привести себя самого — человека, который никогда в жизни не обучался литературному творчеству. Правда, в университете я числился на отделении сценических искусств филологического факультета, но время было такое, что никто толком не учился. Мы отращивали длинные волосы, отпускали усы и бороды и в таком неопрятном виде болтались без дела по кампусу и окрестностям. Становиться писателем я особо не собирался, никаких заметок не делал, записных книжек не вел, просто однажды взял и ни с того ни с сего написал свой дебютный роман (если эту повесть можно так назвать) «Слушай песню ветра» и получил за него премию журнала «Гундзо»¹ для начинающих писателей. А потом как-то незаметно превратился в профессионального писателя. Иногда, когда я об этом думаю, мне даже хочется себя спросить: «А что, так можно было что ли?»

¹ «Гундзо» — японский ежемесячный литературный журнал, выпускаемый издательским домом «Коданся». (Здесь и далее примечание редактора, если не указано другое).

Да понимает ли он вообще, что такое литература?

Читав вышенаписанное, кто-нибудь из вас, дорогие читатели, вероятно испытает раздражение: «Да он вообще понимает, что такое литература?» Для меня литература — это прежде всего повествование о подлинном смысле вещей и явлений. Об этом я и повествую. Только и всего. Кто бы что ни говорил, роман, несомненно, является очень широкодиапазонной формой, и, думается мне, что широта диапазона отчасти служит источником той мощной энергии, которая заключена в крупной прозе. Собственно, поэтому я не вижу ничего унизительного по отношению к роману в словах о том, что его может написать «практически, кто угодно». Даже наоборот, я считаю это похвалой.

То есть роман как жанр по своей сути легко доступен любому желающему — это что-то вроде литературного рестлерского ринга, открытого для лю-

дей с любым бэкграундом. Расстояние между канатами достаточно велико, а еще есть специально приготовленная удобная лесенка, так что подняться на ринг — в меру просторный, с ровным настилом — совсем нетрудно. Здесь нет охраны, которая могла бы помешать вашим действиям, судья ведет себя тихо, не придирается. Настоящий рестлер — в данном случае его роль достается профессиональному писателю — уже смирился с ситуацией и как бы всем своим видом говорит: «Давайте-давайте, не митесь, залезайте сюда все, кто хочет». Тут у нас типа здорового сквознячка, все такое гибкое, зыбкое, подвижное, одним словом: неопределенное.

А что это значит? Это значит, что залезть на ринг легко, но удержаться на нем не так-то просто. И профессиональный литератор, разумеется, очень хорошо это знает. Написать один-два романа — не такое трудное дело. Но писать романы все время, всю жизнь, до самой смерти — это невероятно трудно. Наверное, даже можно сказать, что обычному человеку такое не под силу. Так что в этом смысле прозаику необходимы, как бы так выразиться, «особые качества». Понятно, что талант — это важно, но кроме таланта важно также упорство. А еще — хотя это касается не только профессиональной, но и других сторон жизни — нужны везение и готовность воспользоваться случайным стечением обстоятельств. Более того, именно в этом-то и состоит своего рода писательская «профквалификация», про которую можно сказать следующее: у кого она есть — она есть, а у кого ее нет — ее нет (хотя некоторые с этим рождаются, а другие с огромным трудом приобретают). Вообще, про нее почти ничего не известно, и мало кто готов открыто это обсуждать — наверное, потому, что речь идет о вещах, которые не воспри-

Харуки Мураками. ПИСАТЕЛЬ КАК ПРОФЕССИЯ

нимаются ни зрением, ни слухом, да и нормально описать это средствами языка тоже невозможно. Но, как бы то ни было, сами прозаики прекрасно знают и всем своим существом ощущают, насколько колossalный труд не столько быть, сколько оставаться прозаиком.

Вот поэтому-то они так философски относятся к пришельцам из других профессиональных сфер, пролезающим между канатов на ринг. «Ну, здравствуй, коли пришел» — так встречают дебютантов если не все, то очень многие прозаики. Хотя бывает, что на вновь пришедших попросту не обращают внимания. Если новичок не смог удержаться на ринге или ушел с него по собственному желанию (в подавляющем большинстве случаев происходит либо то, либо другое), то ему на прощание вежливо говорят: «Ну что ж, очень жаль» или «Всего хорошего». Но если он (или она), приложив усилия, не оставили ринга и сумели на нем закрепиться, то им, разумеется, всяческий почет и уважение. Это справедливо, я считаю (то есть я бы хотел, чтобы таких людей ценили и уважали).

Кроме того, терпимость, о которой я тут говорю, отчасти может быть еще связана с тем, что литературный мир устроен не по антагонистическому принципу — это не игра с нулевой суммой¹. Другими словами, если вдруг появляется новый писатель, это вовсе не значит, что кто-то из старых тут же теряет работу. По крайней мере, если что-то похожее и происходит, то совсем не так прямолинейно. Этим профессиональная литерату-

¹ Игра с нулевой суммой — термин из теории игр, который означает, что если один игрок начинает выигрывать, то положение всех остальных игроков ухудшается вплоть до полного поражения.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. КАКИЕ ОНИ, ПРОЗАИКИ?

ра решительно отличается от профессионального спорта. Если в команде появляется новый спортсмен, то кто-то из ветеранов или менее успешных новичков отправляется в свободное плавание. В этом смысле в литературном мире никто не остается за бортом, и если, скажем, было продано десять тысяч экземпляров дебютного романа молодого писателя, это не означает, что кто-то из его старших коллег продал на десять тысяч экземпляров меньше. Это так не работает. И даже наоборот, если роман какого-нибудь дебютанта очень хорошо продается, это улучшает ситуацию с художественной прозой, а иногда, так сказать, освежает всю литературную индустрию в целом.

Несмотря на все вышесказанное, по прошествии времени, конечно, происходит соответствующий отбор. Каким бы широким ни был наш ринг, все-таки, по-видимому, существует некое оптимальное число одновременно находящихся на нем людей. Так мне кажется, когда я осматриваю окрестности с высоты проведенных в профессии лет.

В общем, как-то вот так на протяжении долгого времени я все пишу и пишу прозу, зарабатываю себе на жизнь профессиональным писательским трудом. То есть, получается, топчусь на этом «литературном ринге» уже три с лишним десятка лет, «кормлюсь кистью», как говорили в старину. В определенном смысле это можно считать достижением.

За эти тридцать с чем-то лет я видел множество литературных дебютов. Заметное число дебютантов и их произведений удостоились в свое время довольно высокой оценки. Эти люди заслужили похвалу литературных критиков, стали лауреатами престижных премий, сделались объектом внимания широкой